

М. А. ФокинаКостромской государственной университет
madi.fokina@mail.ru**ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
Н. А. НЕКРАСОВА «ТРИ ЭЛЕГИИ»**

В статье анализируются лексико-фразеологические и синтаксические языковые средства, с помощью которых создаются циклообразующие связи, объединяющие три самостоятельных стихотворения поэта в один лирический цикл.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, элегия, смысловая оппозиция, лексический повтор, генитивная метафора, синтаксический параллелизм, риторический вопрос.

Madina A. Fokina

Kostroma State University

**LINGUISTIC ORIGINALITY OF N. A. NEKRASOV'S
LYRICAL CYCLE "THREE ELEGIES"**

The article analyzes lexico-phraseological and syntactic language means, with the help of which cycle-forming links are created that unite three independent poems of the poet into one lyrical cycle.

Keywords: N. A. Nekrasov, elegy, semantic opposition, lexical repetition, genitive metaphor, syntactic parallelism, rhetorical question.

Лирический цикл Н. А. Некрасова «Три элегии» (1874) относится к позднему периоду творчества поэта и посвящен А. Н. Плещееву, который помогал ему в издательской деятельности, работал секретарем «Отечественных записок». Автор описывает сложные внутренние переживания лирического героя: радость и муки любви, ревность и разлуку, светлую мечту и мрачную жизнь, ощущение одиночества, тоски и ожидание смерти.

В лирическом произведении каждое поэтическое слово имеет исключительную смысловую нагруженность, образует многочисленные ассоциативные связи с контекстным окружением. О специфических особенностях поэзии, отличающих её от прозы, Некрасов размышляет в одной из рецензий на повесть в стихах:

«... Дело прозы – анализ, дело поэзии – синтезис. Прозаик целым рядом черт, – разумеется, не рабски подмеченных, а художественно схваченных, – воспроизводит физиономию жизни; поэт одним образом, одним словом, иногда одним счастливым звуком достигает той же цели, как бы улавливает жизнь в самых её внутренних движениях; без этого, у древних названного божественным, во всяком случае необыкновенного, дара напрасно станет писатель пригонять рифму к рифме и строчку к строчке...» [4, с. 167].

В «Трёх элегиях» Некрасов тонко «улавливает жизнь» и передает её «внутренние движения», изображая динамику чувств и настроений лирического героя. Ключевыми лексемами этих лирических произведений являются слова, с помощью которых поэтом создаются семантические доминанты и оппозиции текста: *жизнь – мечта; жизнь – смерть; сердце – разум; радость – печаль; счастье – мука.*

Три самостоятельных стихотворения, пронумерованных автором, объединяются в структурно-смысловое единство, образуя художественный ансамбль, лирический цикл, его смыслы порождаются системой взаимодействующих связей, которые называются циклообразующими [6, с. 134]. К универсальным циклообразующим связям относятся заглавие и композиция цикла. Заглавие превращает самодостаточные тексты в иерархическую систему. Особенности функционирования этой системы определяются порядком следования отдельных текстов, т. е. композицией. К циклообразующим связям также относятся текстовые повторы, образные средства, ритмическая организация стихотворений и особенности рифмы.

Некрасов использует в заглавии цикла название лирического жанра – *элегия*, а также числительное *три*, сразу указывающее на количество стихотворных произведений, входящих в цикл.

Элегия – это «лирическое стихотворение медитативного характера с устойчивыми тематическими и мотивными комплексами, эмоциональной тональностью («уныние», «меланхолия», «печаль», «разочарование») и стилистикой, без строго фиксированных метрических и строфических тяготений» [2, с. 303]. Обычно в основе элегической тематики лежит переживание безвозвратно уходящего времени, уносящего мечты, любовь, жизнь и разрушающего ценности и идеалы.

В первом стихотворении элегического цикла Некрасова «Ах! что изгнание, заточенье!...» лирический герой рассказывает о разлуке с «той, кем полны... ревнивые мечты», любимая находится теперь «у берегов чужого моря». Он еще надеется на её возвращение, верит в долгожданную встречу, но понимает, что напрасно тревожит свое сердце, наполненное противоречивыми чувствами:

Простить не можешь ты её –
И не любить её не можешь!.. [3, с. 93].

Второе стихотворение «Бьется сердце беспокойное...» проникнуто нежными воспоминаниями о любимой, лирический герой обращается к «милой страннице» с призывом удалиться в те прекрасные места, где они могут быть счастливы вместе. Поэт восторженно характеризует мир неосуществимой мечты:

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса.
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса... [3, с. 93].

В третьем стихотворении «Разбиты все привязанности, разум...» усиливаются драматические интонации, оно более напряжённое и безрадостное по эмоциональной тональности. Бурные порывы беспокойного сердца сменяются голосом сурового разума. Лирический герой приходит к философским обобщениям, размышляя о безысходности жизни:

Все кончено! Седает голова...
И смерти жди! Она недалеко...
Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день – сдаем могиле мертвеца... [3, с. 93].

Динамика текстовых смыслов элегического цикла выражена семантическим рядом ключевых лексем *жизнь – мечта – смерть*.

Важнейшими циклообразующими связями являются полные лексические повторы, которые соединяют три стихотворения в одну поэтическую систему. Поскольку лирические произведения передают чувства, внутренний мир героя, смысловыми доминантами становятся лексемы *сердце* и *душа*. Существительное *сердце* упоминается во всех трех элегиях: два раза в первом стихотворении, самом большом по объему, и по одному разу – во втором и третьем.

В первой элегии сначала говорится о *сердце* возлюбленной, а затем – о *сердце* лирического героя. Сожалея о разлуке, герой не уверен, что любимая печалится о прошлом:

В ней *сердце* жаждет жизни новой,
Не сносит горести оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно... [3, с. 93].

В финале первого стихотворения, надеясь на встречу, но осознавая невозможность вернуть былое, лирический герой, испытывающий разлад реальности и мечты, сердечных порывов и разума, обращается к себе:

Безумец! Для чего тревожишь
Ты *сердце* бедное свое? [3, с. 93].

Повтор однокоренных слов *безумец – разум* связывает по смыслу первое и третье стихотворения цикла:

Разбиты все привязанности, *разум*
 Давно вступил в суровые права,
 Гляжу на жизнь неверующим глазом... [3, с. 93].

Во втором стихотворении лексема *сердце* занимает сильную позицию текста – в первой строке, давшей название поэтическому произведению:

Бьется *сердце* беспокойное,
 Отуманились глаза,
 Дуновенье страсти знойное
 Налетело, как гроза [3, с. 93].

Лирический герой дает волю своим чувствам, с упоением предается несбыточным мечтам, полностью погружаясь в иллюзорный мир. *Сердце бедное*, измученное разлукой и ревностью (первая элегия), становится *сердцем беспокойным*, подавленным страсти и фантазии (вторая элегия).

В третьем стихотворении, отрезвев от бесплодных грёз, разочарованный герой, недоверчивый к жизни и ожидающий неизбежной смерти, обращается к своему тоскующему *сердцу*:

Зачем же ты, *о сердце!* не миришься
 С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?.. [3, с. 93].

В лирическом цикле четко прослеживается смысловая оппозиция *разум – сердце*. Она последовательно выражена семантической цепочкой слов: *сердце – безумец – сердце – разум – сердце*, что отражает внутренний диссонанс лирического героя.

Наряду с лексикой циклообразующие связи создаются также с помощью фразеологических единиц. Устойчивые обороты употребляются во всех трёх элегиях и взаимодействуют семантически, эксплицируют концептуальное содержание всего цикла. В первом стихотворении используется трансформированный фразеологизм *на один алтарь сложили*:

Всё, чем мы в жизни дорожили,
 Что было лучшего у нас, –
 Мы *на один алтарь сложили* –
 И этот пламень не угас! [3, с. 93].

Устойчивый оборот *на один алтарь сложили (возложить (принести) на алтарь (отечества, любви, искусства, науки)* высок. ‘пожертвовать чем-либо во имя (отечества, любви, искусства, науки)’ [5, т. 1, с. 33] характеризует глубину и жертвенность сильного и взаимного чувства лирического героя и его возлюбленной. Индивидуально-авторское преобразование заключается в замене компонента *возложить – сложить* и расширении компонентного состава за счет добавления лексемы *один* (алтарь). Фразеологизм используется поэтом в составе риторического восклицания, что усиливает его экспрессию. Добавочное слово *один* (‘целостный, неделимый’) [5, т. 2, с. 592] передает общность, единение любящих героев, эта особенность актуализируется в контексте повторением личного местоимения *мы*.

Во второй элегии употребляется трансформированный библеизм *страна обетованная*:

Я зову её, желанную:
 «Улетим с тобою вновь
 В ту *страну обетованную*,
 Где венчала нас любовь!..» [3, с. 93].

Фразеологическая единица *страна обетованная* подвергается индивидуально-авторским преобразованиям: осуществляется инверсия и замена компонента *земля – страна (обетованная земля* книжн. высок. одобр. ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье, куда кто-либо страстно желает попасть; предмет чьих-либо мечтаний, устремлений, надежд’) [1, с. 215]. Метафорический оборот *страна обетованная* в контексте некрасовской элегии ста-

новится символом страстной и неосуществимой мечты лирического героя, погруженного в мир своих любовных грёз.

В третьем стихотворении используется трансформированная фразеологическая единица (*разум*) *вступил в суровые права*:

Разбиты все привязанности, разум
Давно *вступил в суровые права*,
Гляжу на жизнь неверующим глазом... [3, с. 93].

Здесь также осуществляется индивидуально-авторское преобразование: замена компонента *свои* – *суровые* (*вступить в свои права* книжн. ‘проявиться в полной мере’) [7, т. 1, с. 109], что усиливает рациональное начало внутреннего состояния лирического героя: постепенно стихает сердечная буря, чувства подчиняются рассудку.

Фразеологизмы, последовательно использованные поэтом в трех элегиях, раскрывают смысловые оппозиции *жизнь – мечта*; *сердце – разум*. Прослеживаются общие особенности их употребления в тексте: каждый оборот подвергается индивидуально-авторским преобразованиям и все фразеологизмы являются книжными, имеют высокую, поэтическую окрашенность.

Ещё одним образным средством, объединяющим три элегии в лирический цикл, являются генитивные метафоры. В первом стихотворении употребляются две генитивные метафоры, характеризующие разлуку с любимой: *роковые волны пустой и милой суеты*; *в минуту сиротства и горя*. Во второй элегии генитивная метафора передает состояние «сердца беспокойного» лирического героя:

Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза [3, с. 93].

В пределах одной поэтической фразы осуществляется взаимодействие двух образных приемов: распространенной генитивной метафоры *дуновенье страсти знойное* и сравнительного оборота *как гроза*.

В третьем стихотворении генитивная метафора *мечта любви* стоит в финале стихотворения и по смыслу противопоставлена завершающей строке, которая является самостоятельной строфой: *Усни... умри!..* Эта текстовая антитеза эксплицирует смысловую оппозицию *любовь – смерть* и усиливает драматизм внутреннего состояния лирического героя, испытывающего разочарование и тревогу, вызванные его сомнениями и противоречиями.

Яркой особенностью элегического цикла Некрасова является экспрессивный синтаксис. Поэт широко использует риторические обращения, восклицания, вопросы и умолчания. В большей степени эти фигуры речи представлены в первом и третьем стихотворениях. В первой элегии с помощью риторических вопросов герой пытается разгадать, каковы переживания покинувшей его возлюбленной:

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко? [3, с. 93].

Противоречивый герой предполагает внутренние колебания своей любимой: два вопроса, раскрывающие полярные проявления чувств (*печаль и мука – благоразумно и легко*) связаны разделительным союзом *или*, отражающим семантику жизненного выбора.

В третьей элегии риторические вопросы образуют анафорический повтор и параллельные синтаксические конструкции в двух соседних строфах стихотворения:

Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

...

Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?.. [3, с. 93].

Эти риторические фразы, создающие сильное эмоциональное напряжение, в то же время смягчают драматический финал, содержат обнадеживающие интонации, которые передают авторскую мысль о вечности и бессмертии любви: сердце не смиряется с жестокой судьбой; мечта «в душе неистребима»; любовь не знает конца.

Языковые единицы разных уровней (лексика, фразеология, синтаксис) создают образную систему элегического цикла Н. А. Некрасова, формируют циклообразующие связи, объединяющие три самостоятельных стихотворения в художественное и эстетическое целое, обеспечивают их структурно-семантическую общность, способствуют последовательному разворачиванию динамики смыслов, экспликации концептуального содержания лирических произведений, отражают своеобразие поэтического идиостиля автора. Некрасов широко использует различные текстовые повторы (лексические, деривационные, семантико-синтаксические), к речевым приемам выразительности, наиболее характерным поэту в анализируемом произведении, относятся тропы (метафора, сравнение) и фигуры речи (антитеза, анафора, синтаксический параллелизм, риторические конструкции), индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц. Поэт осуществляет диалогизацию лирического монолога путем включения прямой речи, многочисленных риторических обращений и создания интертекстуальных связей: использования традиционных мотивов и образов русской элегической поэзии XIX века, творческой трансформации библейского фразеологизма.

Литература

1. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010.
2. Магомедова Д. М. Элегия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 303–304.
3. Некрасов Н. А. Избранные произведения. М., 1985.
4. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 12. Кн. 2: Критика. Публицистика. 1840–1865. СПб., 1995.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1984–1987.
6. Фоменко И. В. Практическая поэтика: учебное пособие для вузов. М., 2006.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. М., 1997.